

УДК 330.3

США – ЯПОНИЯ: ОТ ОККУПАЦИИ К МИРНОМУ ДОГОВОРУ

© 2017 г. **М.Г. Носов***

Статья поступила в редакцию 6.03.2017.

В процессе оккупации американский взгляд на японцев как на врагов начал меняться. Всё возвращалось к отношениям между учителем и учениками, прева-лировавшим в период после "открытия Японии" в середине XIX века. Вопрос о мирном договоре с Японией был поднят задолго до конца оккупации, и точка зре-ния на будущее этой страны менялась вместе с ситуацией в мире. Начальные про-екты будущего Японии, разрабатываемые в основном Госдепартаментом США, отличались даже некоторыми нотками идиллии и находились в рамках Потсдам-ского соглашения. Проект мирного договора с Японией Госдепартамент подготовил в марте 1947 года.

Ключевые слова: мирный договор США с Японией, генерал Макартур, Потсдамское соглашение, Окинава, Дж. Ф. Даллес, Дин Ачесон, Сигэру Ёсида.

Если в предвоенные и военные годы японцы воспринимались нацией вар-варов, жестоких убийц и коварных политиков, то после войны, по словам аме-риканского дипломата и япониста Джона Эмерсона, "американцы неожиданно увидели в японцах дружественных, привлекательных и гостеприимных людей, а представления о Японии трансформировались в романтическую комбинацию цветов, храмов, красавиц в кимоно, дзэн-буддизма и грациозности" [Emmerson John, 1971: 377].

Подобной трансформации способствовал достаточно миролюбивый харак-тер оккупации и отсутствие какого-либо сопротивления со стороны японцев. Значительно сложнее трансформировалось американское восприятие Японии в самих Соединённых Штатах. Японцы представлялись как враги, вероломно напавшие на Америку, победа над которыми стоила жизни ста тысячам аме-риканцев. В письме генералу Макартуру сенатор от штата Миссисипи Тео-дор Билбо предлагал стерилизовать всех японцев [Schaller M. 1988: 3], а тре-бование судить императора превалировало в американском общественном мнении.

Однако постепенно отношение к побеждённым менялось. Как справедливо отметил американский японист Эдвин Сейденстикер, "американское воспри-

* **НОСОВ Михаил Григорьевич** – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института Европы РАН. Российская Федерация, 125009 Москва, Мохо-вая ул., 11-3 (mikhailnosov@mail.ru).

Продолжение авторского цикла статей об истории развития отношений США и Японии. См.: "США ♦ Канада". 2011: № 1, 2, 7, 11; 2012: № 4, 11; 2013: № 7, 12; 2014: № 8.; 2015: № 2, №8; 2016: №4, 12; 2017: №6. – *Ред.*

ятие Японии колебалось между почти безоговорочной любовью и столь же безоговорочной антипатией" [Passin H., ed., 1966: 18]. При этом колебание в ту или иную сторону было постоянным, что определялось зависимостью общественного мнения от "масс медиа", которые в свою очередь напрямую зависели от политики. Спустя некоторое время после окончания войны американцы начали быстро переориентироваться в сторону позитивного восприятия Японии и всего японского. Эта страна перестала восприниматься в качестве врага и пока ещё не считалась экономическим конкурентом. Большую роль сыграли три фактора. Во-первых, тем кто требовал наказать Японию, противостояли специалисты по этой стране, справедливо считавшие, что сохранение императорской власти и установление позитивных отношений с японцами будут способствовать успехам оккупации, а затем и превращению Японии из врага в союзника. Во-вторых, после окончания войны в Соединённых Штатах среди интеллигенции были весьма сильны левые и либеральные взгляды, включая комплекс вины за ядерную бомбардировку Японии. Журналист Дж. Херси, получивший известность благодаря своим статьям, воспевавшим ненависть к японцам, в августе 1946 г. в журнале "Нью-Йоркер" опубликовал репортаж "Хиросима", вызвавший широкое сочувствие к жертвам ядерной бомбардировки. В США началась акция помощи и американский публицист Норман Казинс возглавил кампанию по сбору средств для приглашения в США 25 японских девушек, пострадавших в Хиросиме и Нагасаки, на лечение. Их приезд, лечение и дальнейшая жизнь после возвращения в Японию стали объектом пристального внимания американских средств массовой информации, включая набиравшее популярность телевидение. Став, по точному определению социолога Шейлы Джонсон, "частью американской семьи", "эти молодые японки во многом способствовали изменению американского отношения к Японии"[Johnson Sheila, 1975]. В-третьих, возобновлённые контакты продемонстрировали ложность стереотипов, навязываемых военной пропагандой. Американцы убедились в том, что японцы обыкновенные люди, а не приматы, скачущие по лианам в джунглях*. То же самое происходило и с восприятием американцев японцами. Их страну оккупировали не демоны и вампиры, а обыкновенные люди, которые хорошо относятся к их детям и не собираются насилловать женщин.

Если в американском восприятии в Европе врагами были "нацисты", а не немцы, то на Тихоокеанском театре американцы сражались с "япошками" (*Japs*) что превращало всю нацию во врагов. Подобный расизм был свойственен и японцам. Американцы в японской пропаганде представлялись лишь хвостатыми дьяволами и существами, чей облик мало напоминал человеческий. Боевые качества американских солдат определялись крайне низко по сравнению с мужеством и готовностью японцев отдать жизнь за императора.

* В номере журнала морской пехоты США "Кожаный загривок" (*Leatherneck*), посвящённом победе над Японией, на обложке красовался морской пехотинец, на плече которого сидела маленькая обезьянка в форме императорской армии. Подобные метафоры были характерны не только для американцев. Перед русско-японской войной российский император Николай II не называл японцев иначе, как "макаками".

Несмотря на то что жители стран Азии, попавшие под японскую оккупацию, рассматривались японцами как низшая раса по отношению к завоевателям, все азиаты противопоставлялись "белым империалистам", воюющим с народами Азии, возглавляемыми японцами. Успехи японцев первых месяцев войны продемонстрировали, что они могут быть прекрасными моряками и лётчиками, во что не верили американцы. В свою очередь японцы, считавшие американцев изнеженными сибаритами не готовыми сражаться, убедились в их готовности и сражаться, и умирать.

Что касается отношения японцев к американцам, то оно воспринималось как неизбежное последствие поражения. Поведение американских солдат резко контрастировало с представлениями японцев о поведении победителей. Действия японских солдат на оккупированных азиатских территориях были отмечены насилием, массовыми убийствами, грабежами и подавлением национальной культуры. Американцы же в Японии вели себя вполне цивилизованно, что во многом определялось проводимой штабом Макартура политикой жёсткого наказания военных за любые проявления агрессии в отношении местного населения^{*}.

Позитивные изменения в восприятии друг друга способствовали стремлению США выполнить условия Потсдамской декларации и подписать с Японией мирный договор. Но не это было главной причиной для начала подготовки подписания. Решение было продиктовано, прежде всего, динамикой холодной войны и политическими изменениями, происходившими в Азии в конце 1940-х годов.

Вопрос о мирном договоре с Японией был поднят задолго до конца оккупации и точка зрения на будущее этой страны менялась вместе с ситуацией в мире. Начальные проекты будущего Японии, как разрабатываемые Госдепартаментом, так и предлагаемые фактическим её хозяином отличались даже некоторыми нотками идиллии и находились в рамках Потсдамского соглашения. Анализируя внешнеполитические альтернативы США в Азии после окончания войны, американский востоковед Роберт Скалапино писал о надеждах Вашингтона на то, что "демократический Китай, находящийся в прочном союзе с Соединёнными Штатами, станет играть ключевую роль в регионе, а Япония будет низведена до положения пасторального пацифистского общества, лишённого возможности причинять ущерб своим соседям" [Scalapino Robert, 1978: 1].

В марте 1947 г. Госдепартамент подготовил проект мирного договора с Японией, над которым с 1946 г. работала группа во главе со специалистом по истории Японии Хью Бортоном. В основе концепции лежала идея сотрудничества между членами Дальневосточной комиссии, представители которой должны были контролировать экономику Японии в течение неопределённого периода. Вопрос о базах и американском военном присутствии в Японии в

^{*} В то же самое время отношения между побеждёнными и победителями в реальности не были столь безоблачными, как об этом писала жёстко цензурируемая японская пресса, которой штаб категорически запрещал критиковать союзников и упоминать инциденты с участием американских солдат. После окончания оккупации появились статьи об изнасилованиях, дорожных инцидентах, грабежах и прочем с участием оккупантов.

проекте даже не рассматривался. В середине сентября 1947 г. появился новый документ отдела планирования Госдепартамента "Политика США в вопросе мирного урегулирования с Японией", в котором говорилось, что "идея уничтожения Японии как военной силы начинает меняться. Теперь из-за поведения России превалирует тенденция превратить острова Хирохито в буферное государство. Готовящийся сейчас проект мирного договора должен предусматривать подобную возможность" [Schaller M., p. 104]. Ни тот ни другой проект не устраивали военных, поскольку в них исключалось базирование ВВС США на территории Японии в случае войны с СССР. Проект же Госдепартамента был назван Джорджем Кеннаном, в то время возглавлявшим отдел по планированию внешней политики, "не имеющим ничего общего с реальностью" [Schaller M., p.102].

Ещё в конце марта 1949 г. Макартур говорил о Японии как о "Швейцарии Востока", отстаивая точку зрения на необходимость нейтральной и демилитаризованной страны. Он предлагал вернуть Японии суверенитет, вывести все войска с её территории при гарантиях её безопасности со стороны ООН [Jansen M. 1966]. При этом намечалось разместить на Окинаве и подмандатных островах американские военные базы, что позволило бы США полностью контролировать Японию и обеспечивать её безопасность. Что касается мирного договора, то Макартур считал, что гарантом будущей безопасности Японии должен быть договор о демилитаризации страны, подписанный всеми союзниками, включая СССР, вместе с мирным договором. В этом случае СССР тоже станет гарантом безопасности Японии и будет соблюдать условия этого договора. С ним категорически не был согласен Кеннан, считавший коммунистическую угрозу со стороны Москвы достаточно высокой, а идею превращения Японии в демилитаризованное государство под наблюдением союзников, в том числе СССР, противоречащую реальности¹.

После провозглашения КНР в октябре 1949 г. точка зрения Вашингтона на будущее Японии кардинально изменилась. Надежды на то, что Китай останется в орбите американского влияния после подписания Советско-китайского договора о дружбе и сотрудничестве в феврале 1950 г. окончательно рухнули. Теперь Япония из поверженного врага стала быстро превращаться в потенциального союзника, что предусматривало заключение мирного договора.

У Вашингтона и Токио не было единого взгляда ни на процедуру подготовки мирного договора, ни на его содержание. По словам ставшего в январе 1949 г. госсекретарём Дина Ачесона, условно четыре группы мешали подписанию договора. Это японские коммунисты, Министерство обороны, бывшие союзники США и правительство Японии. При этом "из всех групп коммунисты мешали меньше всех" [Acheson D. 1969: 428-429]. Японские коммунисты обвиняли США в стремлении превратить Японию в колонию, американцы боялись, что после подписания договора США лишатся баз в Японии и на Окинаве; Ёсида отстаивал собственные интересы, главными из которых были скорейшее

¹ FRUS, 4, 1949, Vol. VI, p.712.

обретение суверенитета и сохранение территорий²; союзники не хотели ремилитаризации Японии. Что касается самого Госдепартамента, то там опасались, что сохранение баз вызовет в Японии ненужные ассоциации с неравноправными договорами XIX века, но в тоже время выступали за создание японской армии, против чего выступал Ёсида и ещё один участник этого политического уравниения – Макартур.

В апреле 1950 г. советником госсекретаря США и послом по особым поручениям был назначен известный юрист-международник Джон Фостер Даллес. В мае того же года госсекретарь Дин Ачесон поручил ему подготовку мирного договора с Японией. Привлечение республиканца Даллеса к работе в демократической администрации было связано со стремлением смягчить обрушившуюся на Госдепартамент критику за "потерю Китая".

С этого момента главными политическими фигурами, работавшими над подготовкой договора после начала войны в Корее, стали Даллес и Ёсида. Оба были профессиональными дипломатами. Даллес был внуком Джона Фостера, госсекретаря при президенте Бенджамине Гаррисоне и племянником Роберта Лансинга, госсекретаря при президенте Вудро Вильсоне. Он участвовал в Версальской конференции и был опытным юристом международником. Ёсида работал в МИДе, с 1906 г., был послом Японии в Италии и Великобритании, заместителем министра иностранных дел. После окончания войны в 1946 г. стал премьер-министром и вернулся на этот пост в 1948 г. По своему политическому мировоззрению Ёсида сочетал космополитизм с традициями политики эпохи Мэйдзи, ставившей во главу угла преданность императору. Его жена была дочерью Макино Нобуаки – одного из самых близких советников императора Хирохито и внучкой Окуба Тосимити, одного из трёх героев реставрации Мэйдзи.

Даллес определял стратегическую последовательность работы над документом и работал над его адаптацией к существовавшей в США точке зрения. Ёсида делал всё возможное для скорейшего обретения независимости, стремясь достичь этого с минимальными потерями для Японии. При этом ему приходилось учитывать все перипетии внутривосточной ситуации в Японии, где превалировала точка зрения о необходимости полного вывода американских войск из страны.

Япония, которую в феврале 1949 г. Министерство обороны США фактически вывело за периметр своих военных планов, стала рассматриваться как важнейшая в Азии американская стратегическая база. Военные выступили за сохранение американской оккупации, что с их точки зрения являлось твёрдой гарантией сохранения американского военного присутствия в Японии. Уже в декабре 1949 г. первый председатель Комитета начальников штабов генерал Омар Брэдли выступил с заявлением о необходимости сохранить существующие базы в Японии после подписания мирного договора, что вызвало недовольство госсекретаря Дина Ачесона³.

² В декабре 1949 г. премьер-министр заявил, что Япония не считает себя связанной Ялтинскими соглашениями, что, по сути, означало предъявление прав на Южный Сахалин, Курильские острова, Окинаву, Бонинские острова и Иводзиму [La Febr W. 1997: 282].

³ FRUS, 1949, Vol. VII, p. 886

Основными оппонентами Министерства обороны выступали Госдепартамент, Макартур и, естественно, Ёсида, считавший, что возвращение суверенитета стоит любых политических и даже территориальных уступок. Госдепартамент был против сохранения американских военных баз в Японии, считая, что эта страна должна стать примером успешного экономического развития в рамках западной цивилизации для стран Азии и Тихоокеанского региона. Даллес не считал, что существует прямая угроза безопасности Японии со стороны СССР или Китая⁴. Аналогичной позиции придерживался и Макартур, полагавший, что присутствие баз на территории Японии приведёт к вспышке националистических настроений в стране. По его мнению, это могло бы дать повод прокоммунистической пропаганде говорить о том, что США пытаются поработить Японию и, возможно, подтолкнуть её к сближению с СССР [La Febr, 1997].

В апреле 1950 г. Ёсида принял решение о необходимости согласиться на военное присутствие американских войск в Японии в обмен на заключение мирного договора. До этого он надеялся, что американские войска будут дислоцированы только на территориях, прилегающих к Японии, а в самой стране располагаться только в исключительных случаях. Ёсида считал также, что предоставление американцам права размещать свои базы в Японии в любом случае предпочтительнее, чем оккупация без определения сроков длительности. К этому времени в Вашингтоне было принято решение исключить из мирного договора вопрос об обеспечении безопасности Японии, заключив с Токио отдельное соглашение по этой проблеме. При этом в первоначальном проекте предусматривалось участие в обеспечении безопасности Японии всех подписантов мирного договора⁵. Однако в январе 1951 г., в ходе визита Даллеса в Токио, была признана нецелесообразность участия союзников в подобном соглашении, которое стало двусторонним американско-японским договором по безопасности⁶.

В мае 1950 г. министр финансов Икеда Хаято тайно встретился в Вашингтоне с Джозефом Доджем, хорошо известным ему по переговорам в Токио, и передал ему послание премьера-министра Ёсиды. В послании речь шла о том, что Япония "хотела бы заключить мирный договор как можно скорее со всеми, кто в этом заинтересован", однако "она готова принять и любую другую форму договора", имея в виду, что нет необходимости ждать одобрения со стороны Советского Союза [Schaller M. 1988: 227]. В ходе переговоров японцы впервые определили свою позицию в отношении этого документа. Они были готовы идти даже на серьёзные уступки американцам ради достижения главной цели – обретения суверенитета. При этом надо понимать, что хотя в условиях американской оккупации поле для политического манёвра у японского правительства было крайне ограниченным, Ёсида умело пользовался как противоречиями вашингтонского истеблишмента, так и постоянными ссылками на коммунистическую угрозу. Пожаловавшись на серьёзную оппозицию в парламенте про-

⁴ FRUS, 1950, Vol.VII, p.1207-1212.

⁵ FRUS, 1950, Vol. VI, p.1173.

⁶ FRUS, 1951, Vol.VI, p.831/

должению оккупации и сохранению американских военных баз в Японии, министр финансов Икеда сделал два весьма важных заявления. Во-первых, будучи, по-видимому, осведомлённым о неопределённости американской позиции по вопросу об американских базах в Японии, он, ссылаясь на "нерешительность США", отметил готовность выступить с собственной инициативой и сохранить базы, "по просьбе японского правительства". Это, по его мнению, позволило бы ускорить подписание мирного договора. Во-вторых, он пытался шантажировать американцев ссылками на возможность предложения со стороны СССР о заключении сепаратного договора и возвращения Сахалина и Курильских островов⁷.

Работа над договором предусматривала консультации с союзниками и обсуждение проекта документа на ДВК. Делегация США посетила десять столиц при подготовке текста договора, были проведены три конференции со странами Содружества. Англичане готовили свой вариант мирного договора, который значительно отличался от американского. Англичан поддерживали страны Содружества, шесть из которых входили в Дальневосточную комиссию, что заставляло американцев считаться с мнением союзников. Противоречия между американцами и англичанами касались, прежде всего, требования англичан включить в договор параграф о вине Японии в развязывании войны. Выступали они и против ремилитаризации Японии, считая это угрозой для безопасности стран Содружества. После многочисленных переговоров в Лондоне, куда ездил Даллес, и в Нью-Йорке на площадке ООН, все вопросы были улажены, хотя на определённом этапе Даллес пригрозил англичанам, что договор будет подписан и без их участия, что, несомненно, ускорило согласование позиций.

СССР, как страна подписавшая Акт о капитуляции Японии, был полноценным участником подготовки мирного договора с Японией. В июле 1947 г. советскому правительству была вручена памятная записка с предложением созвать мирную конференцию в рамках ДВК по подготовке мирного договора⁸, на которой решения принимались бы двумя третями голосов. Такое условие практически обеспечивало США полный контроль над подготовкой и заключением договора. Москва со своей стороны предложила решать вопрос о договоре на Совете министров иностранных дел (СМИД), что определялось в первую очередь тем, что там СССР имел право вето. Естественно, такой вариант не устраивал США. Это разногласие как бы стало отказом Москвы от участия в подготовке мирного договора с Японией.

Тем не менее, в конце декабря 1949 г. на заседании Совета Национальной безопасности в ходе обсуждения директивы, определяющей политику США в Азии (NSC 48/2), представитель Министерства обороны высказался за участие СССР и Китая в подготовке и согласовании текста договора. Против выступил президент Трумэн, считавший, что "оккупация была осуществлена американцами, и Советский Союз может быть приглашён одобрить договор, но

⁷ FRUS, 1950, Vol.VI, p.1196.

⁸ FRUS, 1947, Vol.VI, p.469.

переговоры с Японией США и Великобритания могут вести вне зависимости от того участвует в этом СССР или нет"⁹.

17 июня 1950 г., за 8 дней до начала войны в Корее, Даллес приехал в Токио и после очень краткой пресс-конференции улетел в Сеул. В тот же день в Токио на своём самолёте прилетели противники подписания мирного договора – министр обороны США Луис Джонсон и председатель КНШ генерал Омар Брэдли. В Министерстве обороны превалировала точка зрения на необходимость сохранения оккупации как можно дольше, что позволяло США иметь свои базы в Японии, независимо от позиции японцев. Сразу же после прилёта Джонсон дал пресс-конференцию в штабе Макартура, обвинив Даллеса в полной некомпетентности. Он назвал его "непрактичным человеком, чей подход к проблемам мира основан на религиозном, моральном и пацифистском подходе" [Sebald W. 1965: 252-253]. Таким образом, министр обороны дистанцировался от позиции Госдепартамента и обнажил все противоречия, существовавшие между двумя ведомствами.

До начала войны в Корее ни у американцев, ни у японцев не существовало единой точки зрения на будущее американско-японских отношений. 22 июня 1950 г. Даллес выступил с заявлением о том, что если Япония становится союзником Запада, она должна сама заботиться о своей обороне, думать о перевооружении и предоставлять военные базы США. Однако на следующий день, встретившись с Ёсида, Даллес понял, что тот не собирается подтверждать готовность предоставить базы и создать вооружённые силы, рассчитывая на то, что конституция позволит ему находиться в стороне от военных конфликтов. Вместо этого премьер предложил американцам использовать простаивающие мощности японской военной промышленности¹⁰. В тот же день Макартур, после бесед с министром обороны, представил новый меморандум по проблемам безопасности Японии, где речь шла о том, что "вся территория Японии должна рассматриваться как потенциальная база для оборонительного манёвра США, проводимого под руководством командования". При этом для успокоения японцев в документе говорилось, что любые изменения в дислокации американских войск могут происходить на основе консультаций с премьер-министром Ёсида. Американцы же должны платить за своё пребывание в Японии, и это даст экономике страны 300 млн долл. в год и позволит ей обрести экономическую самостоятельность¹¹.

Война в Корее кардинально изменила ситуацию вокруг мирного договора. Через три дня после её начала (25 июня 1950 г.) Ёсида выступил с заявлением о том, что он против сдачи военных баз иностранному государству. Учитывая секретный характер переговоров министра финансов Икеда в Вашингтоне, публичность заявления премьер-министра была рассчитана прежде всего на внутреннюю аудиторию, на тех, кто выступал против американских баз¹². Хорошо понимая, что в условиях войны в Корее, базы при любом раскладе оста-

⁹ FRUS, 1950, Vol.VI, p.1131.

¹⁰ FRUS, 1950, Vol.VI, p.1232.

¹¹ FRUS, 1950, Vol.VI, p.1227-1228.

¹² FRUS 1951, vol. VI, p. 1262.

нутя в Японии, Ёсида хотел продемонстрировать электорату свою готовность отстаивать интересы нации до конца.

Если вопрос о размещении американских баз в Японии в принципе был решён, то проблемы её разоружения продолжали обсуждаться. 8 июля 1950 г. Макартур, который до начала корейской войны был последовательным противником ремилитаризации Японии, направил Ёсиду письмо о необходимости создания 75-тысячного национального резервного полицейского корпуса для охраны американских военных баз и 250 тыс. американцев, живущих в Японии. Корпус должен был существовать отдельно от полиции и иметь в своём составе четыре пехотные дивизии. Несмотря на своё название "полицейский резерв" он был оснащён не только лёгким оружием, но и артиллерией и танками. Ёсида считал, что подобный план позволит сохранить порядок в стране после того как было принято решение об отправке американских войск в Корею, а также после окончания оккупации.

Министерство обороны США сняло возражения против подписания мирного договора с Японией, исходя из очевидности сохранения там американского военного присутствия. 22 августа 1950 г. КНИШ известил об этом министра обороны. После переговоров между госсекретарём Ачесоном и министром обороны Джонсоном оба ведомства пришли к соглашению об общей позиции в отношении мирного договора, что открыло путь к окончательной редакции как текста документа так и к работе над отдельным соглашением между Японией и США, получившим название Договора безопасности.

Война в Корее ещё больше затруднила решение вопроса об участии СССР в процессе подготовки договора и конференции. 26 октября 1950 г. Даллес вручил постоянному представителю СССР при ООН Якову Малику меморандум к вопросу о подготовке мирного договора. Однако после того как в конце года США не нашли нужным учитывать предложенные Москвой поправки и предложения к этому документу, СССР фактически отказался участвовать в его подготовке. К началу 1951 г. проект договора был готов, и Даллес собрался снова поехать в Японию для его окончательного обсуждения с премьером Ёсидой и Макартуром. Накануне своего отъезда Даллес приехал в представительство СССР при ООН в Нью-Йорке, где встретился с послом Яковым Маликом. Он проинформировал посла о завершении первого раунда переговоров с представителями ДВК по мирному договору с Японией и предстоящей поездке в Токио для неформального обсуждения документа с японцами. Даллес предложил Малику встретиться до его отъезда или после возвращения из Японии "в случае, если господин посол получит реакцию своего правительства на последнюю американскую ноту". Малик пообещал встретиться с Даллесом, если он получит ответ из Москвы. Как отметил Даллес, посол был доброжелателен и вежлив, но не скрывал своего скептицизма относительно целей поездки американцев в Японию¹³.

В марте 1951 г. американский проект был разослан членам ДВК. Проект договора не устраивал СССР по многим причинам и в первую очередь потому что его подготовка велась без участия Москвы и Пекина. 7 мая 1951 г. СССР

¹³ FRUS, 1951, Vol. VI, p. 798.

передал США советские замечания к договору, которые были отвергнуты Вашингтоном, а вопрос об участии Москвы в конференции остался открытым.

Отношение американцев к участию СССР в конференции в Сан-Франциско в июле 1951 г. оставалось весьма неопределённым. США понимали, что Советский Союз ни при каких обстоятельствах не откажется от своих требований и будет настаивать на участии Китая в конференции, а также на демилитаризации Японии и выводе иностранных войск. Однако существовали опасения, что отказ СССР от участия в конференции может привести к непредсказуемым последствиям. В секретном меморандуме КНШ, который новый министр обороны Дж. Маршалл переслал Даллесу, говорилось: "Если СССР или какая-либо другая страна не подпишет договор, то в результате для них Япония будет оставаться в состоянии войны с ними. В этом гипотетическом случае по условиям капитуляции они имеют основания для оккупации Японии. Шанс, на то, что СССР воспользуется этим, растёт в прямой зависимости от твёрдости решения приступить к перевооружению Японии"¹⁴.

В ходе подготовки договора американцы настаивали на том, что возвращение Советскому Союзу Курильских островов (что было оговорено с союзниками ещё в 1944 г. в Ялте), может состояться только в том случае, если СССР будет участвовать в сан-францисской конференции, и подпишет мирный договор. На переговорах в Лондоне заместитель Даллеса Джон Алисон заявил: "Нельзя, чтобы СССР сумел найти в тексте договора что-либо такое, против чего он мог бы возражать. Например, он должен получить Курилы, но договор нужно дополнить статьей, урезающей права тех, кто не подписал договор". На это английский коллега Алисона "с некоторым удовлетворением заметил, что отсрочка решения о возвращении Курил до готовности СССР признать договор, станет открытым поводом для противоречий между СССР и Японией"¹⁵.

Основные переговоры по окончательной редакции договора проходили в ходе второго визита Даллеса в Токио с 25 января по 11 февраля 1951 г. В центре обсуждения были вопросы сохранения американских баз в Японии и их статуса, создание японских вооружённых сил и будущее отношений Японии с КНР. В январе 1951 г. Ёсида представил Даллесу свою точку зрения на проект договора. Он отметил, что Япония самостоятельно обеспечит внутреннюю безопасность, а в том, что касается безопасности внешней, она будет осуществляться в сотрудничестве с Объединёнными Нациями и прежде всего с США путём размещения войск. Соглашение об этом должно быть заключено отдельно от мирного договора в форме "сотрудничество в деле обеспечения взаимной безопасности Японии и США как равных партнёров". Что касается ремилитаризации Японии, то Ёсида назвал три причины, почему это невозможно. Во-первых, против этого выступает большинство японцев; во-вторых, ремилитаризация приведёт к экономическому краху и социальным волнениям, в которых заинтересованы коммунисты; в-третьих, соседние страны опасаются

¹⁴ FRUS, 1951, Vol. VI, p.991.

¹⁵ FRUS, 1951, Vol. VI, p.940.

возрождения японской агрессивности. В то же время Ёсида пообещал Даллесу, что Япония "готова к позитивному вкладу в общую безопасность мира"¹⁶.

В итоге японцы отказались создавать требуемую американцами 300-тысячную армию, согласившись в дополнение к полицейскому корпусу создать 50-тысячную армию. Решение об этом не было придано гласности. Что касается размещения военных баз США в Японии, то в принципе Ёсида принял данное условие, но оговорил это рядом требований, в частности отмены некоторых решений штаба, касающихся, например, семейного кодекса, расширения зон рыболовства, снятия ограничения на тоннаж строящихся судов, возможности получения американских инвестиций, а главное права торговать с коммунистическим Китаем.

Ёсида заявил: "В сегодняшних условиях доминирования коммунистов в стране вряд ли в ближайшем будущем можно ожидать серьёзных результатов, но, тем не менее, я верю, что в перспективе китайцы будут исходить из того, что "война это война, а торговля это торговля" и в разумных масштабах будет вестись торговля между Японией и Китаем". Премьер-министр добавил: "Поскольку японские бизнесмены имеют большой опыт работы в Китае, они могут стать лучшей "пятой колонной" демократии в борьбе с китайскими коммунистами"¹⁷. Даллес выступил против торговли между Японией и КНР, даже несмотря на то, что Ёсида обещал подписать договор с Тайванем.

Подготовка к подписанию мирного договора с Японией вступила в решающую фазу. Мирный договор и Договор о безопасности были согласованы в ходе переговоров Даллеса и Ёсиды, а затем представлены союзникам. Индия и Бирма отказались от участия в конференции, считая американский проект договора неудовлетворительным и понимая, что на конференции не удастся внести в него изменения. СССР в конечном счёте принял приглашение приехать в Сан-Франциско. Всего в конференции участвовали делегации 52 стран. По определению представителя Новой Зеландии, "это была необычная конференция, поскольку на ней не обсуждали условия договора, а лишь подписывали его текст" [Fifty Years of Light and Dark, p.267]. Представитель СССР А. Громыко предложил внести в текст мирного договора восемь новых статей, оставив без изменений 22, но американцы заблокировали эти предложения¹⁸.

В своём выступлении на конференции Ёсида, отметил, что "японцы с радостью приняли условия договора", но в то же время некоторые его пункты "вызывают у японцев боль и обеспокоенность". Недовольство премьер-министра, прежде всего, вызвали проблемы территориального разграничения. Речь шла об Окинаве, на возвращение которой Ёсида рассчитывал "в недалёком будущем" и то, что Япония потеряла право на владение Сахалином и Северными и Южными Курилами. По его словам, "и Сахалин и Северные и Южные Курилы

¹⁶ FRUS, 1951, Vol.VI, p.834.

¹⁷ FRUS, 1951, Vol.VI, p.828.

¹⁸ В договоре, который был предложен для подписания, было 27 статей и лишь одна касалась безопасности. В статье 6 говорилось о том, что "все оккупационные силы союзников должны быть выведены с территории Японии после вступления в силу настоящего Договора". Однако в той же статье говорилось, что в тоже время ничто не должно препятствовать размещению иностранных войск на основе двустороннего или многостороннего соглашения между союзниками и Японией.

были в одностороннем порядке забраны Россией 20 сентября 1945 г., вскоре после капитуляции Японии. Даже острова Хабомаи и Шикотан, являющиеся продолжением Хоккайдо, одного из четырёх главных островов Японии, всё ещё оккупировались советскими войсками, просто потому, что в момент окончания войны там были размещены японские войска". Отметил Ёсида и вынужденную потерю китайского рынка и проблемы репатриации японцев, всё ещё остающихся в странах Азии [Gaimusho joyaku-kyoku hokika, p. 313-317].

В последний день конференции 8 сентября госсекретарь Ачесон и Ёсида обменялись нотами. Ачесон хотел документально подтвердить, что Япония согласна предоставлять свою территорию и услуги силам ООН, принимающим участие в военных действиях в Корее. Японии было обещано, что эти услуги будут оплачены "по договорённости между Японией и соответствующими странами ООН". Ёсида подтвердил получение ноты, полностью её процитировал и заверил Ачесона "в полном уважении" [Gaimusho joyaku-kyoku hokika, p. 217].

Договор был подписан всеми участниками конференции кроме СССР, Чехословакии и Польши. В тот же день Ёсида поехал на американскую военную базу Пресидо в окрестностях Сан-Франциско, где подписал Американско-японский договор о безопасности.

Документ, определяющий статус пребывания американских войск в Японии, так называемое административное соглашение, согласовывался вплоть до начала 1952 г. Японцы возражали против статьи, разрешавшей американцам арестовывать японцев даже за пределами американских баз, и против того, что совершивший преступление американец может быть осуждён только американским судом. Американцы согласились изменить только 22-ю статью соглашения гласившую, что "в случае угрозы войны японские войска будут находиться под общим командованием". Слова "под общим командованием" были исключены из соглашения и заменены на необходимость "взаимных консультаций". Само соглашение было подписано 28 февраля 1952 г.

Японский парламент ратифицировал соглашения 1 октября 1951 г., а 16 января было обнародовано письмо Ёсиды с согласием начать переговоры с Тайванем об установлении дипломатических отношений, что открыло путь к ратификации Сан-францисского договора и американо-японского договора по безопасности в Конгрессе США. 20 марта Сенат ратифицировал оба соглашения. Формально оккупация завершилась 28 апреля 1952 г., но этот день в Японии никак особо не отмечался. Американские войска оставались в стране, лишь освободив те здания, которые они занимали в Токио, включая здание Дайити Сэймей, где все годы оккупации находился штаб, а в Токио прибыл первый послевоенный американский посол Роберт Мерфи.

References

Acheson Dean. Present at the Creation: My Years in the State Department. New York: Norton, 1969. 796 p.

Emmerson John. Arms, Yen and Power. The Japanese Dilemma. New York: Duenellen. 1971. xiv, 420 p.

Fifty Years of Light and Dark, 380 p.

Gaimusho joyaku-kyoku hokika, Heiwa joyaku no teiketsu ni kansuru chosho (Собрание договоров МИД Японии. Документы, касающиеся подписания мирного договора) VII, pp.313-317.

Jansen Marius. The Making of Modern Japan, Harvard University Press, Passin Herbert, ed. The U.S. and Pacific Nations, Englewood Cliffs, Prentice-Hall, N.J., 1966, 169 p.

Johnson Sheila. American Attitudes toward Japan. 1944-1975, Hoover Institution on War, Revolution and Peace,

LaFebr W. The Clash. U.S.-Japanese Relations Throughout History. New York: W.W. Norton & Co., 1997, 508 p.

Passin Herbert, ed. The U.S. and Pacific Nations, Englewood Cliffs, Prentice-Hall, N.J., 1966, P.18. 169 p.

Scalapino Robert. Pacific Asia and US Policies, Honolulu, 1978, p.1.

Schaller Michael. The American Occupation of Japan 320 p.

Sebald William. With MacArthur in Japan, W.W. Norton & Co., N.Y., 1965, 320 p.

Stanford University, Stanford, Calif. 1975, p.42. Cambridge, Massachusetts, 2000

History

USA – Japan: from the Occupation to a Peace Treaty

(USA ❖ *Canada Journal*, 2017, no. 11, p.96-108)

Received 6.03.2017.

NOSOV Mikhail Gregorievich – Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. 11-3, Mokhovaya st., 125009 Moscow, Russian Federation
(mikhailnosov@mail.ru).

During the U.S. occupation, the American attitude towards the Japanese as to the enemies began to change. Everything started to return to the pattern "the lecture and the students", relationships which prevailed in the period after "the opening of Japan" in the middle of the XIX century. The question of a peace treaty with Japan was raised long before the end of the occupation, and the view the country's future was transforming together with the situation in the world. The initial projects of the Japan future, developed primarily by the U.S. Department of State, were even marked by some idyllic notes, and quite responded to the spirit of the Potsdam Agreement. The draft of the peace treaty with Japan was prepared by the Department of State in March 1947.

Keywords: *U.S. – Japanese Peace Treaty, general Douglas MacArthur, the Potsdam Agreement, Okinawa, John Foster Dulles, Dean Gooderham Acheson, Shigeru Yoshida.*

About the author:

NOSOV Mikhail Gregorievich, Doctor of Sciences (History), Corresponding member of the Russian Academy of Sciences. Deputy Director for Scientific Work.